

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Обывательское представление о том, что филологические исследования имеют целью описание заслуг и достижений исследуемого автора, все еще довольно широко распространено. Эта ошибочная идея порождает в особенности ироническое отношение к попыткам научного анализа произведений современных авторов. Такие труды кажутся схоластическими упражнениями, ненужными читателю, который и сам знает, что производит на него впечатление, а что нет. Ирония по отношению к «докторам» граничит с негодованием в часто цитируемых строках Пастернака (из стихов о Блоке, «Ветер», 1956): «Не знал бы никто, может статья, / В почете ли Пушкин иль нет, / Без докторских их диссертаций, / На все проливающих свет». Конечно, оценить величие Пушкина способен и читатель, не читающий диссертаций, но не всякий читатель, согласно кивающий этим строкам Пастернака, сообразит, что 66-летний Пастернак откликается на стихотворение Блока «Друзьям» (1908), впервые прочитанное в юности: «Когда под забором в крапиве / Несчастные кости сгниют, / Какой-нибудь поздний историк / Напишет внушительный труд... // Вот только замучит, проклятый, / Ни в чем не повинных ребят / Годами рожденья и смерти / И ворохом скверных цитат... // Печальная доля — так сложно, / Так трудно и празднично жить, / И стать достоянием доцента, / И критиков новых плодить...» К счастью, в томе Пастернака есть ученый комментарий, объясняющий эту реминисценцию. Благодаря подсказке филолога, стихи обогащаются для читателя смыслами. В частности, проявляется и существенная разница позиций в диалоге двух поэтов: для Пастернака поэтическое творчество было сопрядено природе, и вмешательство культуры в этот процесс он с раздражением отвергает, тогда как Блока, который и сам был не чужд филологии, печалит лишь то, что упрощенный комментарий школьного учебника неадекватен «цветущей сложности» жизни. Блок находит точное определение для плохой филологической работы — «ворох скверных цитат».

Не текст скверный цитируется, а цитаты выбраны скверно. Искусство цитации — признак филологического мастерства. Я однажды спросил у Бродского, читал ли он Бахтина.

Он сказал, что читал, но не подряд, «Поэтику Достоевского». И добавил: «Цитаты очень хорошие». В этом не было снобизма — по выбору цитат вполне можно схватить суть диалогической поэтики, открытой Бахтиным, особенно если обладаешь интуицией Бродского.

Объектом филологического анализа и комментирования Бродский стал еще при жизни. Уже в конце 70-х годов на Западе в специальных славистских и литературных журналах стали появляться статьи, анализирующие (главным образом в духе структурализма) и комментирующие тексты Бродского, а уже в 1984 году в американском издательстве «Ардис» вышла и первая книга (на русском), «О поэзии Иосифа Бродского», написанная покойным поэтом-филологом Михаилом Крепсом, собрание наблюдений, иногда весьма субъективных, над разными аспектами творчества Бродского. В 1986 году под редакцией автора этих строк издательством «Эрмитаж» был выпущен (также по-русски) сборник из пятнадцати статей «Поэтика Бродского». Затем настал черед книг на английском. В 1989 году появилась обстоятельная монография, посвященная поэтике Бродского, Валентины Полухиной (уроженки России, профессора Кильского университета в Англии) «Joseph Brodsky: A Poet for Our Time» (издательство Кембриджского университета). Английское издательство «Макмиллан» (и его американский филиал «Сент-Мартин Пресс») издало две книги, составленные совместными усилиями Полухиной и Лосева: в 1990 году сборник из девяти статей и одного интервью «Brodsky's Poetics and Aesthetics» и в 1999-м «Joseph Brodsky: The Art of a Poem» (13 статей). К этим сборникам примыкают подготовленные В.П. Полухиной два специальных выпуска издающегося в Амстердаме журнала «Russian Literature». Первый (*Russian Literature*, XXXVII-II/III, 1995) был задуман как посвященный жанровому разнообразию творчества Бродского, однако собственно вопросы жанра обсуждаются лишь в половине из восемнадцати статей, остальные посвящены другим темам; завершается выпуск библиографиями интервью и переводов Бродского. Второй (*Russian Literature*, XLVII-III/IV, 2000), «Бродский как критик», полностью соответствует своему заглавию; в нем пятнадцать статей и избранная библиография. К моменту, когда пишется эта заметка, вышло еще пять монографий на английском: David Bethea «Joseph Brodsky and the Creation of Exile» (издательство Принстонского университета, США, 1994), Vladimir Vishniak «Joseph Brodsky and Mary Stuart» (University of Manchester and Alexandr Herzen Center for Soviet and East European Studies, Manchester, 1994), David MacFadyen

«Joseph Brodsky and the Baroque» (Montreal and Kingston—London—Ithaca, 1998), David Rigsbee «Style of Ruin: Joseph Brodsky and the Postmodernist Elegy» (Гринвуд-пресс, США—Англия, 1999) и David MacFadyen «Joseph Brodsky and the Soviet Muse» (McGill-Queen's University Press, Montreal and Kingston—London—Ithaca, 2000); на польском: Jadwiga Szymak-Reiferowa «Iosif Brodski» (Seria «Sylwetky pisarzy XX wieku», Katowice, Książnica, 1993), «O Brodskim. Studia — szkice — refleksje» (Red. Piotr Fast. Katowice. 1993) и «Czytając Brodskiego» (Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków. 1998). У нас нет полной библиографии, но уже в 1996 году число зарубежных статей, глав в книгах, докторских и магистерских диссертаций, посвященных Бродскому, перевалило за двести, и можно смело утверждать, что на сегодняшний день оно, по меньшей мере, удвоилось. Пользуясь слегка циничным профессиональным жаргоном, можно сказать, что в филологической индустрии на Западе, как и в России, бродсковедение — бурно развивающаяся отрасль.

Рабочее название нашей книги, «Бродский в интерпретации Запада», было отвергнуто, в первую очередь, потому, что вряд ли в собранных здесь работах просматривается какой-то специфически «западный» подход (если таковой вообще существует). И философски, и с точки зрения используемых методик трудно провести черту между нашими авторами и большинством современных российских филологов, изучающих наследие Бродского, к тому же некоторые из наших авторов по происхождению и научному образованию россияне. Допустимо лишь предположить, что такие факторы, как англоязычность и глубокий опыт западной культуры, позволяют лучше понять некоторые контексты творчества Бродского. Это в первую очередь относится к произведениям, написанным в оригинале по-английски, но не только к ним.

Основной принцип организации этой книги не географический, а научно-тематический. Эта книга создавалась для того, чтобы по возможности всесторонне обсудить кардинальный вопрос об искусстве Бродского как стихотворца, стихотворца в узком смысле — как художника, создающего отдельные стихотворения. Творчество Бродского в высокой степени «дискретно» — от стихотворения (или поэмы) к стихотворению. Он, если брать всю его поэтическую продукцию, значительно меньше склонен к циклизации, чем большинство русских поэтов XX века, да и в некоторых его циклах («Письма римскому другу», «Двадцать сонетов к Марии Стюарт», литов-

ский и мексиканский «дивертисменты») просматривается сюжет более четкий, чем та легкая связь мотивов, которую принято называть «лирическим сюжетом». «Письма римскому другу» и «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» — скорее поэмы, а «дивертисменты» — травелоги (рассказы о путешествиях). Подавляющее большинство стихотворений Бродского, в особенности зрелого периода, настолько самостоятельны, что даже сам автор, как нам известно, испытывал серьезные трудности при составлении таких сборников, как «Конец прекрасной эпохи» (1977), «Часть речи» (1977) и «Уrania» (1987). Отсюда повышенный критический интерес к тому, *как работает стихотворение Бродского*.

Основой для настоящей книги является сборник «Joseph Brodsky: The Art of a Poet», вышедший два года назад в Англии, — восемь из публикуемых здесь статей были написаны для английского издания (некоторые из них подверглись существенной переработке при подготовке русской публикации). Как увидит читатель, мы отнюдь не стремились к методическому единообразию. Здесь есть работы, в том числе автора этих строк, предлагающие традиционный разноуровневый анализ текста (особенности версификации, образы и мотивы, культурно-исторический контекст), но мы, повторяю, не стремились к тому, чтобы иметь в книге полторы дюжины единообразных «разборов» стихотворения. Здесь есть статьи, посвященные отдельным аспектам стихотворения Бродского — культурно-исторической интертекстуальности («Кенигсбергские стихи» Томаса Венцлова и «1867» Романа Тименчика), взаимодействию версификации и синтаксиса («Колыбельная Трескового мыса» Джеральда Смита) или такому специфическому аспекту стихотворного текста у Бродского, как его буквальная музыкальность («Стихи на смерть Т.С. Элиота» Джеральда Янечека). Только в двух статьях, заключающих книгу, речь идет не об отдельных стихотворениях. Статья Елены Петрушанской «Джаз и джазовая поэтика у Бродского» является естественным продолжением-комментарием к эссе Кеннета Филдса о стихотворении «Памяти Клиффорда Брауна». Работа Барри Шерра, полный обзор строфики Бродского, будет незаменимым подспорьем всем тем, кто вслед за нашими авторами займется изучением отдельных стихотворений.

Иосиф Бродский так или иначе слишком близок, слишком жив для всех участников этого сборника, чтобы мы могли не задаваться вопросом: а как бы он отнесся к этому предприятию? Спросить не спросишь, но можно вспомнить. Вспоминаются два эпизода.

Еще в середине 70-х годов один популярный международный журнал опубликовал стихотворение Бродского и интервью с автором под шапкой: «Поэт чертит карту своего стихотворения» («A poet's Map of His Poem»). Эта фраза, видимо, глубоко задела Бродского. Очевидно подставляя «критик» на место «поэт», он не раз с возмущением повторял: «Они думают, что могут начертить карту чужого сознания!» («They think they can map your mind!».) Мы надеемся, что в нашей книге таких бестактных и бесполезных попыток нет.

В декабре 1986 года в нью-йоркской гостинице проходил ежегодный съезд американской ассоциации преподавателей-славистов. Как водится, в одном из залов был книжный базар. Я не без опаски подошел с Бродским к лотку издательства «Эрмитаж». Он сразу заметил ястребиным взглядом и со словами: «Так, а это что такое?» — схватил и сунул в карман плаща новенькую «Поэтику Бродского». Раз уж оно так случилось, я через несколько дней спросил у него, прочитал ли он что-нибудь в книге. Он промурлыкал что-то вежливое о моих там опусах, а потом с искренним восторгом воскликнул: «Статья Шерра о строфике — уж-ж-жасно интересно!»

Ну как нам было не попросить коллегу Шерра сделать для нас новый, увы, окончательный вариант этой статьи.

Лев Лосев